

ДЕЯ ВЕРЛИ

КТО ЗОВЕТ ТЕБЯ В ТУМАН?
ЭТОТ ШЕПОТ — ТВОЙ КАПКАН

СЧИТАЛОЧКА

Дея Верли

Считалочка

«Автор»

2026

Верли Д.

Считалочка / Д. Верли — «Автор», 2026

"Оглянись, если слышишь шаги позади. Возможно, оно хочет дружить. Не грусти, если все вокруг начнут умирать. Это подарок тебе. Прими свою сущность как дар. Это твой путь ко мне. Милый мой Айзек, они все тебе не нужны. С тобой должен быть лишь я. Мы созданы друг для друга. Точнее, ты для меня. Ты станешь моей опорой и дашь мне новых сил. Я снова стану великим, а ты будешь возле меня." "Что будешь делать, если услышишь такие слова? Айзек бы посмеялся. Но когда умирает очередной его близкий человек, он сталкивается с тем, кто давно должен был перестать существовать. И убийца не остановится ни перед чем, пока не вернет себе былую славу. Только от Айзека зависит, разделит ли он власть или станет одной из ступеней на пути к могуществу.

© Верли Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Ведро кофе	6
Интересно, ей дадут больничный?	10
***	12
***	14
***	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дея Верли Считалочка

Пролог

Он шел по пустому коридору, коря себя за опрометчивость. Зачем он согласился идти сюда? Знал ведь, что ничего хорошего из этого не выйдет. Это место никогда не приносило ничего хорошего, только боль, которая осталась дырой в его сердце. Огромной дырой. Может не поздно уйти? Но нет, любопытство, которое с самого детства толкало его на самые безумные поступки, продолжало подталкивать его вперед. Мама всегда останавливала его в детстве, и это наверняка спасало его бесчисленное количество раз. Но мамы давно не было рядом, так что он уже даже привык за столько лет полагаться только на себя. И он упрямо шел вперед по коридору, отгоняя тревожные мысли. Да и когда вообще эти мысли его останавливали?

Ведро кофе

Ранним утром, когда Айзек с трудом разлепил глаза и плеснул себе кофе в последнюю чистую чашку (да почему они опять все грязные?!), Барни вдруг поднял ужасный шум. Барни – хороший и красивый, но очень ленивый английский сеттер, почти никогда не лаял. Ему было плевать на все происходящее за окном, да и дома тоже. Айзек все время шутил с друзьями о том, что если в дом ворвется грабитель, Барни будет слишком лень, чтобы сделать хоть какую-то видимость охраны. Так что было крайне удивительно, когда он вдруг сорвался с дивана и стал агрессивно лаять на дверь. Айзек аж проснулся от неожиданности, и в первую секунду ему подумалось, что надо бы закрыть дверь на все замки и спрятаться. Призраки прошлого всегда были с ним, и отделаться от них в такие моменты не получалось. Сколько бы он не использовал кучу методик, которые насовествовал ему его психотерапевт, они не спасали в моменты, которые могли породить флешбеки к самым ужасным годам его жизни. Но рациональная и проработанная часть Айзека хлопнула его по плечу и убедила в том, что за дверью ничего страшного нет, и Барни зря волнуется. Открывая дверь, руки Айзека дрожали. Он вышел на улицу, осмотрелся, но улица была пуста.

– Ну Баарни, лаешь когда не надо. И чего тебе не спалось, – ворча себе под нос, Айзек уже закрывал дверь, когда наступил на что-то.

Это «что-то» оказалось письмом. Кто, черт возьми, в наше время шлет письма? То было старым и потрепанным, будто Барни уже пожевал его. Айзек со злостью захлопнул дверь, и ее старые петли жалобно заныли. Айзек ненавидел утро, а утро, в которое все пошло не по плану, он ненавидел еще больше. Барни все еще тревожно вглядывался в дверь и дрожал. Да что с ним такое? Айзек бросил письмо на стол, и первым делом направился к кофемашине, чтобы получить, наконец, свой долгожданный кофе. Та закричала и с шумом начала выливать идеальный черный кофе в кружку с цветочками. Ну да, с цветочками, и что? Это бы кружка Мисси, и он так и не выбросил ее за столько лет. Хорошая ведь кружка, зачем выкидывать, еще и деньги потом на новую тратить.

Отбросив эти странные размышления о кружках и цветочках, Айзек с грохотом отодвинул стул и, поставив кофе на стол, придвинул к себе конверт. Отправителя не было, получателем значился он. Марок никаких тоже не было. Не очень-то хотелось Айзеку разворачивать это письмо, но не укусит же оно его, в конце-то концов. Он грубо оторвал от края конверта жухлую бумагу и вытянул оттуда такое же странно старое письмо. Развернув его, Айзек прочитал первую строчку: *«Милый, воспринимай это письмо как можно серьезнее»*. Ну конечно, после таких строчек же все начинают относиться к письмам серьезнее. Но вот что смутило Айзека помимо видимого возраста письма – почерк смутно напоминал мамин. Такой красивый и округлый, с иногда пляшущими в разные стороны буквами. Ему всегда нравился ее почерк, хоть она и говорила, что он похож на детский.

«Милый, воспринимай это письмо как можно серьезнее. Я знаю, ты умный мальчик. Слушай меня внимательно: сразу после получения письма, буквально этим же вечером, отправляйся в наш старый дом. Да, Айзек, ты все верно понял, НАШ СТАРЫЙ ДОМ. На столе в гостиной тебя будет ждать кое-что важное. Я не могу в этом письме раскрыть что это, но я умоляю тебя, цветок, сделай как я прошу».

Нет, этого точно не могло быть. Цветочек – так называла его только мама. Вот только она погибла, когда Айзеку было семнадцать. А сейчас ему шел двадцать девятый год. Да и тогда они еще жили в этом самом «нашем старом доме», как же тогда она могла считать его старым. Так что это точно не могла быть мама, кто-то просто решил пошутить. Айзек со злостью смял письмо и швырнул в мусорку. Оно приземлилось на пол возле раковины, заставив ведро покачаться, но не попав в него. Барни, уже вернувшийся на диван, недовольно поднял

голову, тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Дурацкое письмо! Не став поднимать его, Айзек с громким хлюпом глотнул уже успевший остыть кофе (да что за день-то такой?!) и с силой пнул второй стул. Тот жалобно заскрипел и отодвинулся. Когда этот чертов кофе успел так остыть? Неужели он так долго вчитывался в письмо?

Сегодня выходной, и Айзек планировал пойти за покупками, а затем весь день объедаться чипсами, смотря новый сезон популярного сериала про драконов. Друзья звали его вечером в бильярдную, но он ужасно устал на этой неделе, так что долго над отказом не думал. Сейчас же он был безумно благодарен себе за это. Настроение и так было паршивое из-за ночной головной боли, так еще и какой-то клоун решил, что подкинуть ему это письмо будет удачной шуткой. Так что на веселье с друзьями его бы не хватило точно. Зато, кстати, кофе получился отличны на вкус. Надо будет не забыть прихватить в магазине еще таких капсул. Допив последний глоток, Айзек со вздохом поднялся и направился в душ.

Тяжелые почти горячие капли били его по голой спине, и он развернулся, подставив им свое лицо. Мозг продолжал лихорадочно обдумывать строчки письма, и, как бы Айзек не старался прогнать эти мысли и заменить их другими, ничего не выходило. Мозг снова и снова подбрасывал ему не только странный текст, но и обрывочные воспоминания из детства.

Айзек бежит по пустому коридору, и его маленькие голые ножки шлепают по деревянным дощечкам, а за ним бежит мама и изображает монстра. Айзек лежит на ковре возле небольшого камина с учебниками, а Мисси болтает ножками, свесившись со спинки кресла. Айзек сидит за большим столом, мама гремит посудой на кухне, Мисси делает уроки, и из ее спальни слышится музыка. Айзек заходит в дом, пересекает длинный коридор, открывает дверь, а за ней мама в красивом красном платье сидит на ковре рядом с огромной коробкой и шарами, а еще совсем мальшика Мисси дергает за бант на коробке. Айзек помогает открыть рождественский подарок маме, а затем она приносит из своей спальни черную коробку с огромным зеленым бантом, а в коробке сидит смешной лопочухий щеночек Битси.

Он гонит прочь эти воспоминания уже много лет, и они давно его не беспокоили. Но письмо снова растерзало старую рану, и это сильно раздражало Айзека. Он даже подумал позвонить своему психотерапевту, чтобы обсудить эту внезапную перемену своего состояния, но пока ничего критичного. Ну, подумаешь, воспоминания. У всех они есть, и все время от времени к ним возвращаются. Он сделал воду еще горячее и устало потер руками лицо. Как же все достало!

Выйдя из душа, Айзек натянул любимые широкие черные штаны (очень широкие!), обтягивающую белую майку и накинул сверху клетчатую рубашку, рукава которой подвернул до локтя. Медленно выполз в спальню и открыл шкапулку, стоящую на подоконнике большого окна. Айзек любил украшения, а потому с особым трепетом их выбирал, и оставлял в своей коллекции только самые-самые. Порывшись в ней, он решил, что сегодняшнее настроение отлично подходит для массивного кольца в виде раскрывшего рот черепа, которое он надел на большой палец левой руки, серебряной печати и нескольких тонких зигзагообразных колец, которые отправились на пальцы его правой руки. В ухо он вставил тонкое серебряное колечко. Как сейчас была бы недовольна мама, снова ворчала бы, что он зря проколол ухо, хотя он мечтал об этом с двенадцати лет. Ну вот, опять вспомнил, что ж такое-то, а! С силой захлопнув крышку шкапулки, он двинулся к выходу, но потом остановился, вернулся к шкапулке, открыл и бережно закрыл, попутно извинившись перед ней. Не виновата же шкапулка из красного дерева в том, что он не умеет контролировать свои эмоции.

– Барни. Барни! Вставай, приятель, пора нам с тобой идти за покупками, – и он ласково потрепал черное с проседью ушко пса. Тот только поудобнее развалился на диване, но получив мягкий тычок в бок от хозяина, широко зевнул и все же соизволил слезть с дивана и, потянувшись, подойти к двери.

Айзек порылся в шкафчике возле входной двери, нашел массивную черную шлейку и такой же поводок и надел их на Барни. Потом подумал, вернулся к шкафчику и достал оттуда красный платок-бондану, которую повязал на шею Барни.

– Ну вот, гляди, какой ты красавец! Все девчонки будут твои, – с этими словами он подхватил поводок, взял ключи от машины и, когда пес запрыгнул на заднее сиденье, вернулся закрыть дверь. Барни вдруг снова истошно завопил из машины, прыгая по заднему сидению. Какой-то он тревожный сегодня.

Повернув ключ в замочной скважине, Айзеку вдруг показалось, что кто-то смотрит на него из его же собственного окна. Изнутри. Быстро открыв замок и рывком открыв дверь, он влетел в дом и осмотрелся. Заглянул во все комнаты, проверил каждый угол, но, конечно, не нашел никого. Его сознание, кажется, снова сыграло с ним злую шутку (позвонить все же Розе, что ли?). Он по второму кругу осмотрел все комнаты, заглянул во все шкафы и под все кровати и диваны. И снова не найдя ничего, он вернулся в гостиную и увидел письмо. Попытался злобно пнуть его, но ничего не вышло, а потому он поднял его, швырнул в мусорку и вышел из дома.

Барни успокоился только когда они отъехали от дома, но потом спал всю дорогу до «Лагуны». Когда Айзек припарковался, тот оживился. Пес очень любил сюда приезжать, ему нравилось сидеть с хозяином в уличных кафешках и бродить по магазинам. Особенно его привлекали два места: зоомагазин, в котором его просто обожали, и кофейня у фонтанов. Он радостно выпрыгнул из машины чуть ли не в руки Айзеку, нетерпеливо подергивал хвостом, пока тот закрывал машину, и вприпрыжку рванул к дверям торгового центра. Внутри оказалось довольно пусто для утра субботы, редкие посетители тихо разговаривали о чем-то своем, прогуливаясь между магазинами. Айзек решил сначала выпить кофе, а затем уже ходить по магазинам, но у Барни был другой план. На повороте он так резко рванул поводок в другую сторону, что Айзек, не ожидавший такого подвоха, чуть не распластался в ногах у охранника одного из магазинов. «Зараза!» – выругался Айзек, но послушно пошел за своим псом. Тот привел его в зоомагазин (ну конечно, кто бы сомневался), и радостно свернул за прилавок. Там он ожидал увидеть пожилую женщину, работавшую там с самого открытия, но кресло оказалось пустым. Пес не ожидал такого, и понуро опустил хвост, взглянув на хозяина. Айзек погладил его по пятнистой макушке и прошелся по всему магазину, предлагая Барни разные игрушки. Его выбор пал на черную плюшевую обезьяну и какую-то дурацкую ящерицу, но кто Айзек такой, чтобы отказывать ребенку. Захватив по пути еще мяч и несколько вкусняшек, они снова вернулись к кассе, где все еще никого не было.

– Стра-анно, – протянул Айзек, а затем крикнул: – эй, а где все? Можно кого-то позвать на кассу, я не хочу тут состариться в ожидании.

Где-то в подсобке раздалися шаги, и Айзек оперся обеими руками о прилавок. Мозг тут же подсунул ему воспоминание:

Айзеку 15, Рождество. Старый дом красиво украшен к Рождеству, а елка кажется просто невероятно большой и нарядной. Мама в старом зеленом бархатном платье, которое она очень любит. Айзек помогает ей открыть рождественский подарок, на который он копил с начала учебного года, Мисси сидит рядом и рвет упаковочную бумагу своего подарка. Мама целует его в макушку, благодарит за подарок, а затем приносит из своей спальни черную коробку с огромным зеленым бантом в цвет ее платья, а в коробке сидит смешной лопухий щенок Битси. Она смешно высовывает морду через дырку в коробке, поэтому Айзек сразу замечает маленький черный нос.

«Хлоп!» – бахнула дверь подсобки. Айзек моргнул и оттолкнулся от столешницы. Все это чертово письмо, найдет отправителя и поотрывает ему пальцы. Оказалось, Барни во всю голосил. Он трясся и вглядывался в закрытую дверь. В зале появилась довольно молодая женщина лет сорока пяти-пятидесяти в узких джинсах и длинном свитере. Она поздоровалась и присела на корточки, чтобы погладить Барни, который в ответ на это движение зарычал, под-

жал уши и, заскулив, кинулся в ноги хозяину. Женщина пожала плечами и встала, больше не обращая внимания на пса.

– Здравствуйте. Вам пробить товары?

– День добрый. Да, пожалуйста, – он подвинул товары поближе к аппарату, пока женщина обходила прилавок, – а где Сара? Она тут работала много лет, Барни ее обожает.

– Ох, такая трагедия, просто ужасно! – она сделала нарочито грустное лицо, но Айзек не верил таким. Грусть ради грусти, – она умерла пару дней назад. Прямо за этим прилавком, представляете? Ох-ох, кошмарная ситуация. Говорят, – она понизила голос до заговорщического шепота, – она умерла от сердечного приступа, такого, знаете, будто кто-то до смерти ее напугал. Лицо было перекошено, рот раскрыт в немом крике, глаза навывкат. Жуткое зрелище, наверное. Кто же мог так напугать ее, что думаете? – и она как-то странно уставилась на Айзека, жутко улыбаясь. «Будто это она убийца» – промелькнула мысль.

– Ужасно. Ну, всякое бывает, возраст и все такое. Могу уже оплачивать? – он нарочито небрежно потрепал испуганного пса за ухо, а сам хотел уже свалить из магазина, подальше от этой жуткой женщины. Не зря Барни ее испугался, ох, не зря!

Ее лицо резко стало серьезным, словно кто-то кнопку у робота переключил, и она начала быстро-быстро пробивать товары. Когда Айзек оплатил и собрался уходить, она вдруг склонила голову и снова заулыбалась:

– Хорошего дня вам. Надеюсь никто вас так не напугает, как нашу бедную Сару, – и она, хихикнув, быстро скрылась в подсобке.

Какая жуткая женщина, аж мурашки побежали. Айзек поморщился, и отряхнул несуществующую грязь с рубашки, пытаясь смахнуть это отвратительное ощущение. Пес тоже заметно расслабился только после ее ухода.

Айзек дошел до кафе будто в трансе, занял стол у одного из фонтанов, и оставил Барни сидеть возле него. Нестерпимо хотелось кофе (черного и желательно ведро!), и он то и дело возвращался мыслями не только к письму, но теперь еще и к силуэту в окне. Но он же не сумасшедший, он видел то, что видел. Нет, надо срочно звонить Розе, она подскажет что делать с навязчивыми мыслями. Как хорошо было без них, так тихо и приятно.

– Здравствуйте! Вам как обычно? – голос симпатичной девушки-бариста вырвал его из этих размышлений. Она мило улыбалась ему, друзья все время шутили, что он ей нравится. Впрочем, может так оно и было.

– Привет, да, пожалуйста. Только стакан можно побольше? Мне жизненно необходим кофе.

– Конечно. Может вам булочку к кофе? Утром приехали ваши любимые.

– Да, можно. Картой, пожалуйста, – он только начал прикладывать карту, как сзади раздался лай, – Барни, фу! Барни, а ну, засранец мелкий, ко мне!

Барни радостно носился по включившемуся сухому фонтану, бьющему прямо из плитки. Он был мокрым и грязным, но абсолютно счастливым. Айзек радости пса не разделял, уже представляя, как он будет все это чудо отмывать. Барни слушаться наотрез отказался, бегая кругами от хозяина. Айзек рванул наперерез прямо в фонтан, схватил пса за ошейник и повел к выходу. Мокрый и еще более озлобленный на этот день, он грубо бросил мокрую рубашку на стул и вернулся к кассе, чтобы наконец оплатить чертов кофе. Девушка на кассе засмушалась, и если бы не такое ужасное начало дня, Айзек может даже мило поболтал бы с ней. Он прекрасно понимал, что мокрая майка липла к телу и облегалась его подтянутое тело, а кудри закрутились еще сильнее. И он отлично знал, что красив, с девушками и самооценкой у него никогда проблем не было. Но сейчас совершенно не хотелось ни улыбаться, ни мило болтать. Хотелось сесть со своим кофе за любимый стол и чтобы никто больше сегодня не бесил его.

Впрочем, кофе получился потрясающим!

Интересно, ей дадут больничный?

Люди сновали туда-сюда то к фонтану, то за столики. Спустя минут двадцать с прихода Айзека сюда, людей стало значительно больше. Дети носились вокруг, раздражая Барни, и Айзеку даже пришлось провести воспитательную беседу с их родителями. Впрочем, она не возымела действия, и когда очередной ребенок влетел в пса, Айзек рывком встал, уронив стул, и угрожающее двинулся к столу родителей. Он намеревался дать им хорошую взбучку за то, что не следят за своими детьми. Подошел и с силой хлопнул по их столу так, что чашки жалобно звякнули о блюда.

– Не моя работа воспитывать ваших детей, но если еще хоть один помешает собаке отдыхать, клянусь, я пройдуся по их милым детским попам ремнем так, что они неделю сидеть не смогут. А потом и по вашим не милым и не детским, чтобы и вы почувствовали.

Все сразу похватили своих детей за руки, а одна из мам ахнула и заявила:

– Дети – это дети, им нужно разрешать проживать свое детство весело. А вы просто мерзкий хам!

– Оооо, – протянул Айзек, улыбнувшись, – так это меня мама воспитывала как вы своего ребенка, мне тоже все можно было! Вот и сейчас мне можно будет вломить как следует вам, если мне захочется – и он со злорадной улыбкой ушел за свой стол.

Конечно, это была неправда, но им не нужно было этого знать. Мама прекрасно воспитывала Айзека, всегда поясняя все и показывая своим и чужим примерами как нужно и не нужно поступать. Учила его с уважением относиться к личному пространству любых живых существ. Так что мерзким хамом, как выразилась эта мамаша, он стал уже после ухода мамы. Мамин образ, как назло, снова всплыл в голове:

Красивые длинные волнистые волосы, черные как уголь. Крупные и яркие, необычайно зеленые глаза. Хлопковое платье, которое она так любит, и которое сшила сама. Невысокая и не худышка по меркам современного общества, она элегантна и красива. Вот она сидит в своем кресле и кутается в нежно-розовый мягкий плед, а в руках у нее очередная книга. Мисси лежит на животе прямо на ковре рядом с мамой и болтает ногами, она тоже читает книгу, только свою, какую-то детскую. На фоне играет тихая музыка из приемника, а за окном шумит дождь. Айзек оборачивается, а из окна напротив на него смотрит черная тень. Айзек движется по комнате, и тень следует за ним от одного окна к другому.

Так, стоп! Тени там никакой не было никогда. Или была? Айзек не помнил точно, за столько лет, что он гнал прочь любые мысли о семье, воспоминания стали мутными. А если была, то кто это был? Почему он следил за ними, и почему мама не замечала этого? Нет, тени тогда точно не было, но что на тогда делает в его воспоминаниях? Айзек тяжело вздохнул и устало потер глаза. Взглянул на мирно лежащего Барни. Пес наблюдал за детьми, прыгающими в фонтане, и наверняка завидовал им. Черт, еще и пса придется мыть, он же насквозь промок. Барни мыться не любил так же сильно, как Айзек не любил его мыть. Но сейчас пес не думал о предстоящем вечернем купании и просто наслаждался этим солнечным днем. Взяв телефон, Айзек набрал номер Розы и с нарастающей тревогой (с чего бы?) стал ждать ее ответа. Но ни десять, ни пятнадцать гудков спустя, Роза так и не ответила на звонок. Это не было на нее похоже, она всегда отвечала на звонки. Да и говорила, что раз уж от нее зависит иногда жизнь некоторых пациентов, она должна быть на связи и днем и ночью. Руки Айзека мелко задрожали, хорошо хоть чашка была почти пустой, и он не облился. Еще не хватало в этот и так уродский день испачкаться. Чтобы немного успокоиться, он сходил на кассу, взял еще кофе, но в этот раз выбор пал на латте (еще одной чашки черного нервы бы не пережили). Его лучший друг часто говорил, что у Айзека явно есть зависимость от кофе и что не нормально пить его в таких количествах. Айзека это совершенно не волновало, он продолжал его пить в любой

непонятной ситуации и уже точно почти литрами. Он поразглядывал витрину с выпечкой и выбрал новинку для этого кафе – вензель с вишней, первой булочки оказалось мало, чтобы утолить внезапно появившийся голод. Вернулся за стол и решил, что пес захочет составить ему компанию. Порылся в пакете и вытянул оттуда говяжью кость. Барни их просто обожал, и хвост его уже нетерпеливо подергивался в ожидании. Получив угощение, пес уместился под столом и принялся радостно грызть кость. Айзеку как раз принесли его кофе и булочку, и он вгрызся в бок вензеля с особым трепетом. Он оказался особенно вкусным, и Айзек справился с ним за пару укусов. Краем глаза он заметил незнакомца, сидящего за самым дальним столом. На него падала тень дерева, и лица его разглядеть Айзек не мог. Но какое-то внутреннее ощущение подсказывало ему, что мужчина наблюдает именно за ним. Может ему пес приглянулся? Нет, тот точно смотрит на Айзека, а не на Барни, хоть он и не может объяснить, почему так уверен. Айзек задергал ногой и стал барабанить пальцами по столешнице. По спине бежали мурашки, то и дело заставляя его ежиться от неприятных ощущений. Сердце колотилось как бешеное, а горло стало першить. Черт возьми, да где Роза, почему она не перезванивает, когда так нужна? Чтобы успокоиться, Айзек начал костяшками пальцев отбивать ритм музыки, игравшей в кафе. Так, а почему он вообще нервничает? Ну смотрит на него какой-то мужик, да и пусть смотрит. Может он разглядывает украшения на Айзеке или просто любит наблюдать за людьми. «Соберись, тряпка» – сказал сам себе Айзек и резко поставил ногу, чтобы не стучать ей.

– Эй, Барни, ты доел? Можем идти домой?, – он наклонился под стол, чтобы посмотреть на пса. Тот как раз догрызал кость, но не расправился еще с ней полностью. Пес вел себя странно – ел дерганно, то и дело рыча куда-то в сторону. «В сторону незнакомца», – промелькнула неожиданная мысль. Противное ощущение, что за ним следят, никак не отпускало, а тревога Барни только усилила его собственную. Он еще раз набрал номер Розы, стараясь не смотреть в сторону незнакомца, но в ответ снова слышались только гудки. Что-то было не так, Айзека никак не отпускало это ощущение. Еще и этот, который разглядывает его, добавлял тревоги. Айзек подозвал пса, и тот, взяв почти доеденную кость, поднялся и сел рядом с хозяином. Пес был напряжен, все его тело мелко потряхивало. Кость он крепко сжимал в зубах, словно боялся, что ее отберут. Айзек накинул рубашку, встал и все же посмотрел туда, где сидел странный незнакомец. Тот вдруг поднял руку и медленно махнул ей, как бы приветствуя Айзека. Мурашки стадом побежали уже по всему телу, а ком в горле помешал бы ему заговорить, реши он открыть рот. Айзек нахмурился и наклонился пристегнуть поводок, а когда разогнулся, незнакомца за столом уже не было. Айзек быстро подхватил телефон и рванул к машине, и всю дорогу его преследовало ощущение погони.

Закрыв дверь за Барни, Айзек прыгнул на водительское сидение и заблокировал двери.

Он никак не мог отдышаться, словно марафон бежал, а не шел по торговому центру. Тело трясло, легкие сдавила нехватка кислорода, зубы стучали, как от холода. Никак не получалось сфокусироваться, здание впереди плыло перед глазами. Он обнял себя руками в попытке успокоиться. Барни завозился на заднем сидении, и это чуть успокоило Айзека. Он был не один, он в безопасности, Барни рядом. Он повернулся к псу и положил ладонь на его теплый бок. Тот поднял голову и повилял хвостом. Это был такой простой, даже обыденный жест, и именно он привел Айзека немного в чувство. Завел машину, включил музыку и откинулся на сиденье. Подышав, решил еще раз позвонить Розе, но та снова не ответила ему. Он покрутил телефон в руках и поехал в сторону ее дома, чтобы проверить, все ли у нее хорошо. Какое-то шестое чувство кричало ему сейчас, что ни черта там не хорошо.

Айзек ехал по свободному шоссе и слушал любимые треки. Сейчас уже дышалось легко и свободно, и он был рад этому, как никогда раньше. Давно уже не было у него такой паники, как накрыла его в торговом центре. Так что сейчас ему жизненно необходим был его психотерапевт. Роза когда-то вытащила его с самого дна и помогла нащупать опору под ногами. Так что он мчался к ней, как мог, подгоняемый плохим предчувствием.

Барни радостно неся по лестнице на четвертый этаж. Он любил Розу, и любил оставаться у нее дома. Айзек перепрыгивал через ступеньку, стараясь успеть за псом. Добежав до нужного этажа, Айзек уперся руками в колени и отдышался. Все-таки, пробежки на четвертый этаж в его-то возрасте уже давали о себе знать. Когда дыхание восстановилось, Айзек зашел в коридор, остановился у двери в квартиру и позвонил в звонок. Никого. Позвонил еще раз, и снова тишина. И еще, и еще, и еще... Руки похолодели, но разум вдруг стал холоден и ясен, как никогда. Он постучал в дверь, нажал на ручку, и та поддалась. Айзек взял Барни за ошейник, открыл дверь и они вместе зашли в квартиру.

– Роза, ты тут? – крикнул он, но ответом ему была лишь леденящая пустота, – жди здесь, приятель. Сидеть.

Оставив Барни в коридоре, он медленно двинулся внутрь. Было тихо (слишком тихо, черт возьми! Как в склепе), только где-то, кажется на кухне, тихо играла музыка. Откуда-то дуло, Роза проветривала. Айзек двинулся на звук, но подходя к нужной комнате, нога вдруг проскользила вперед. Он чуть не упал и в последний момент уперся ладонью в стену, удерживая равновесие. Опустил голову, и, как в замедленной съемке, увидел что поспособствовало этому неудавшемуся падению. Темно-бурая жидкость, вязкая и коричневая по краям. Кровь. Разве бывает так много крови? Нет, это бред какой-то, откуда могла взяться кровь. Это все было похоже на какую-то шутку, разоблачения которой Айзек ждал. Вот сейчас Роза выскочит из-за угла и прокричит что-то веселое. Трясущимися руками он взялся за стену и шагнул прямо в лужу этой красной жижи. Сквозь красивую белую занавеску проглядывали лучи солнца, освещающая кухню. В углу тихо играла умная колонка, которую Айзек подарил Розе на день рождения. Поворот головы влево, и на столе стало видно красный отпечаток. Роза порезалась, да, точно, порезалась и испачкала стол. Глаза опустились вниз и уперлись в бледную, даже сероватую, руку. Кошмар, как же много крови. Голова опустела, а мозг никак не мог обработать увиденное. Где рука, там и тело. Не всегда, конечно, но Айзеку совсем не хотелось об этом думать. Сфокусировавшись, он наконец увидел всю картину целиком. Роза лежала, раскинув руки в стороны в какой-то странной, неестественной позе, будто она хотела сделать ангелочка на снегу. Лицом кверху, конечно. Точнее, тем, что от него осталось. Айзек видел только бесконечное месиво из крови и всего того, что должно быть на лице. Он прижал руку ко рту, пытаясь унять рвотные позывы. Все красивое платье Розы (черт возьми, кажется, оно было белое) почти везде было пропитано кровью. И, о, нет! Кажется, Айзек только что разглядел ее внутренности. Он не сильно разбирался в анатомии, поэтому не смог бы определить точно, что он видел. Но разглядывать это ему больше не хотелось. Он рванул к двери, на ходу прижимая рубашку к лицу, и краем глаза заметил тень в окне. Только сейчас он услышал, что Барни истошно лает в сторону окна. Нет, глупости какие, четвертый этаж, балкона нет. Барни наверняка лает на кровь. Айзек отвернулся, проморгался, повернулся, и ему на миг показалось, что тень за окном улыбается. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, он в пару широких шагов оказался в коридоре, осел, уперевшись спиной в стойку для обуви, и схватился за голову. Все его ботинки было залепаны кровью. Ну вот, придется отмывать. А потом он рассмеялся. И хохотал еще так пару минут, Барни недоуменно смотрел на хозяина и принюхивался, а возле его передних лап лежал мяч, который Роза купила специально для него.

– Интересно, ей дадут больничный?

Прибывшая на место полиция прихватила с собой и скорую, вот только Розе она была не нужна. Врачи приехали из-за Айзека, объяснив ему, что они обязаны проверить его состояние. Его увели из комнаты, и посадили в машине скорой помощи, а Барни налили воды. Он лежал прямо на асфальте, и с тоской смотрел в сторону входа в дом. Когда подошел один из офицеров

полиции, Айзек уже пришел в себя, а потому спокойно рассказал ему все, что знал. Почему он поехал проверить, как вел себя когда нашел тело, что трогал. Тот все записывал, чтобы не упустить ни одной детали, но вряд ли слова Айзека могли бы им чем-то помочь. После разговора Айзека попросили подождать еще немного, чтобы задать еще какие-то вопросы. Завернувшись в плед, он сел на асфальт рядом с Барни и начал рассеянно гладить его. Перед глазами резко вспыхивали образы прошлого.

Айзек сидит в машине скорой помощи, повсюду воют сирены. Люди бегают туда-сюда, а он никак не может унять дрожь. Ему все еще тяжело дышать, легкие горят, а во рту привкус копоти. В ушах все еще стоит жуткий то ли вой, то ли крик его хорошей девочки Битси. Кто-то стоит рядом и пытается говорить с ним, но в слышит Айзек только этот ужасный звук, и он перекрывает все вокруг.

– Нам очень жаль, – прорывается обрывок фразы.

– Пока нашли только тело девочки.

Айзек зажимает уши ладонями, но убирает их, когда чья-то ладонь касается его. Это женщина возраста примерно его мамы и она что-то говорит.

– Что? – рассеянно переспрашивает Айзек.

– Есть ли у тебя родственники, которые смогли бы тебя приютить?

– Тетя, – голос словно чужой, никогда до этого не принадлежащий Айзеку.

– Нам очень жаль, Айзек. Я понимаю как тебе сейчас тяжело, но нам нужно больше данных о твоей тете, чтобы мы с ней связались, и она тебя забрала.

– Ни черта вы не понимаете, – тихо ответил он, закрывая голову пледом.

– Нам нужны какие-то данные о родственниках. Вы сказали, что вы близко общались, может вы сможете дать чей-то контакт? – ворвался мужской голос в воспоминания.

Айзек сосредоточил взгляд на говорившем, покрутил в голове его слова, пытаясь их понять, а потом севшим голосом ответил на все вопросы очередного офицера. Прервался, только когда из входной двери на каталке вывезли черный мешок. Нет, конечно не мешок, тело Розы, завернутое в этот уродский пакет.

– Она не любит черное.

– Простите? – не понял полицейский.

– Роза не любит черное, могли бы выбрать что-то поинтереснее.

Домой он вернулся только под вечер. Быстро выгулял Барни, и, раздевшись, плюхнулся на диван в гостиной. Барни потеснил его и положил голову на руку. Мысли крутились в голове как бешеные, и он никак не мог привести их в порядок. Парой часов ранее его попросили проследовать в полицейский участок. В таком небольшом прибрежном и туристическом городке, как их, редко происходили убийства, и еще реже такие жестокие. Ему снова задавали вопросы про их отношения с Розой, про ее работу и мог ли ей кто-то желать зла. Зачем столько раз спрашивать одно и то же! Особенно интересно полиции было узнать про то, как именно он нашел тело и почему вообще решил к ней поехать. Подозреваемым он не был (ну, по крайней мере так сказали), но он мог рассказать полезные следствию детали. Офицер, проводивший допрос, обещал держать его в курсе дела и сообщить, если что-то станет известно. Оказалось также, что у Розы была старшая сестра (но он не запомнил ее имя), которая сразу же приехала в участок, как только узнала о случившемся. Роза почему-то никогда ее не упоминала в своих рассказах. Ну или Айзек пропустил эту информацию мимо ушей. Девушка не плакала, вела себя сдержанно и внимательно слушала все, что ей говорили. Она попросила поговорить с Айзеком, но не стала задавать вопросы, а просто пригласила его на похороны. Он обещал прийти, но сейчас уже думал, что очень зря. Он любил Розу, но нужен ли он на похоронах? Что он скажет? Как там нужно будет себя вести? В голове снова были флешбэки, только теперь уже одни из самых мрачных и тревожащих старые раны.

Айзек стоит под большим черным зонтом, а рядом мама с таким же, но с малышкой Мисси на руках. Мама сдержана и серьезна, и он не видел сегодня ни одной ее слезинки. Она внимательно слушает молитву, которую читает священник над закрытым гробом. Потом гроб опускают в вырытую заранее могилу, мама ставит Мисси на ее еще маленькие ножки и первая зачерпывает горсть земли. Тяжело вздыхает, сжимая землю в кулаке и закрыв глаза, а затем с яростью швыряет ее на крышку гроба. Мисси пытается повторить мамино движение, но та запрещает ей и снова берет на руки. Теперь настала очередь Айзека. Он подходит к краю могилы и смотрит вниз. Темно-коричневый гроб смотрит на него снизу, и Айзеку кажется, что тот сейчас откроется и затянет его внутрь. Он падает на колени, и закрыв лицо руками, начинает кричать. Его пытаются оттащить, но он вырывается, и, кажется, даже кусает кого-то. А потом мама ледяным тоном произносит только его имя, и ему становится этого достаточно, чтобы успокоить истерику. Мама никогда не говорила таким тоном, потому Айзек встает, стряхивает землю с одежды, зачерпывает горсть земли и с силой швыряет ее на гроб. Он слышит как земля ударяется о деревянную крышку, но он не позволяет себе еще раз посмотреть в могилу и просто отходит к маме. Она не произносит ни слова, и это еще сильнее разрывает его сердце.

Так, хватит. Он резко встал, разбудив Барни, и двинулся к кухне. Сделал себе кофе и уперся спиной в столешницу. Взгляд его упал на мусорное ведро из которого сейчас недвусмысленно торчал угол смятого письма. Как в бреду он наклонился и вытащил его. Развернул. Прочитал еще раз. И еще. И еще. А затем оделся, дал вкусняшку Барни и вышел из дома.

Он шел по пустому коридору, коря себя за опрометчивость. Зачем он согласился идти сюда? Знал ведь, что ничего хорошего из этого не выйдет. Это место никогда не приносило ничего хорошего, только боль, которая осталась дырой в его сердце. Огромной дырой. Может не поздно уйти? Но нет, любопытство, которое с самого детства толкало его на самые безумные поступки, продолжало подталкивать его вперед. Мама всегда останавливала его в детстве, и это наверняка спасало его бесчисленное количество раз. Но мамы давно не было рядом, так что он уже даже привык за столько лет полагаться только на себя. И он упрямо шел вперед по коридору, отгоняя тревожные мысли. Да и когда вообще эти мысли его останавливали? Более

того, сейчас на эту странную авантюру толкнула его именно мама. Почему-то сейчас мысль о том, что это каким-то странным, невероятным даже образом была именно мама, все сильнее укреплялась в его голове. Просто даже на уровне ощущений он знал, что это мама. Как бы головой не отрицал.

Стены длинного коридора были обуглены. Некогда красивый серый камень сейчас был безжизненным и черным. Коридор этот служил прихожей, но сейчас ничего об этом даже не напоминало. Дверь в конце коридора значительно пострадала. Краска вздулась пузырями, углы сгорели. Она едва держалась на петлях, вся покореженная и покрытая копотью. Айзек коснулся ее, и в этом месте уголь стал осыпаться, а ладонь стала буро-черной. Ручка расплавилась и деформировалась, и использовать ее бы не получилось. Пришлось приложить усилие, чтобы открыть дверь настолько, чтобы протиснуться в образовавшийся проход. Петли покрылись окалиной и скрипели так жалобно, что хотелось оставить пострадавшую дверь в покое и не мучить ее еще больше. Испачкав брюки о дверь, Айзек, наконец, прошел в гостиную. Ох, как же плохо сейчас она выглядела. Большая часть мебели прогорела, полы были в ужасном состоянии. Хотелось бежать. Как же хотелось бежать и не оглядываться! Он усилием воли заставил себя подойти к чудом уцелевшему столу. Как он еще держался на ножках Айзек даже представить не мог. Но вот он, стоял сейчас прямо перед ним и смотрел на него всем своим обугленным телом. На фоне черноты стола что-то очень светлое привлекало внимание. «На столе в гостиной тебя будет ждать кое-что важное», – пронеслась строчка из письма в его голове. И вот еще одно письмо. Айзек хохотнул. Очередная бумажка – ну конечно, вот это важная вещь! Айзек расхохотался. И зачем он пришел сюда? Ради бумажки? Но раз уж пришел, стоило посмотреть какую чушь написал неизвестный в этот раз. Была ли это правда мама? Он должен был убедиться. А потому он взял письмо в руки и осторожно оторвал край конверта. Не смотря на то, что конверт выглядел довольно новым, письмо, сложенное вдвое, было старым. Бумага пожелтела и в некоторых местах была покрыта темными пятнами. Даже разворачивать ее было страшно, вдруг рассыплется прямо в руках.

«Цветочек, я знала, что ты слушаешь меня и придешь. Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет рядом»

Мама. Это точно была мама! Злые слезы выступили на глазах, но Айзек быстро смахнул их. Не время раскисать. Мама написала его до своей смерти? Значит и прошлое письмо тоже было от нее. Ощущения его не обманули.

«То, что ты сейчас прочтешь, покажется тебе бредом. Но поверь мне, это правда. Я столько лет изучала это, и вот, ты – живое доказательство того, что все было не зря. Милый мой, помнишь как в детстве ты мечтал быть волшебником? Ты и есть почти волшебник. У тебя есть способности, которых ни у одного человека в мире больше нет. Отнесись как можно серьезнее к этому и запомни: ты можешь обращаться в любого человека, в которого пожелаешь. Я не знаю как точно это работает, знаю лишь, что стоит тебе закрыть глаза, представить нужного человека и произнести: «я – это он» – и все получится. Ты можешь скопировать все: внешность, голос, повадки. Стать полной копией. Я уверена, что тебе это пригодится в жизни. Я на многое пошла, чтобы ты стал особенным. Пожалуйста, не пренебрегай своим даром. И помни – я люблю тебя!»

Айзек не знал, сколько он так стоял. Минуту, две, десять? Не знал. Но он все стоял и смотрел на буквы, которые расплывались перед глазами. А потом вдруг сжал его и с силой швырнул в обугленную стену.

В тишине дома раздался шум шагов, словно кто-то поднялся по лестнице. Айзек вздрогнул и нахмурился.

– Кто здесь? – бросил он в темноту. Ответом ему была тишина.

Первым порывом было броситься в сторону выхода и бежать, не оглядываясь. Вторым – вырвать ноги тому, кто шарится по его дому. Он выбрал третий вариант – тихо пройти наверх

и посмотреть что или кто там. То ли злость, то ли страх охватили все его существо. Айзек сжал кулаки и осмотрелся. Оружия у него с собой не было, но стоял обугленный, но все еще стоящий на своих ножках стул. Айзек взял его и пару раз приложил им о стену. Да уж, тихо не получилось, но зато в руках у него сейчас была ножка стула с торчащими из нее гроздьями. Чем не оружие?

Айзек двинулся в сторону небольшого коридора, смежного с лестницей. Тихо поднялся по ступеням и попытался включить свет. Не зря же он оплачивал его каждый год. Забавно, но проводка, кажется, уцелела, а потому единственная не лопнувшая лампочка поморгала и все же озарила слабым светом лестницу и второй этаж. Двери в ванную и в спальню Мисси были выломаны, спальня Айзека тоже оказалась открытой, но дверь уцелела. Дверь в комнату родителей была приоткрыта, словно ее только что толкнули. Внутри клубилась тьма, света лампочки не хватало, чтобы осветить еще и комнаты, тем более, самую дальнюю. Скорее всего тот, кто был сейчас в доме, находился именно в этой комнате. Айзек поудобнее перехватил свое импровизированное оружие и тихо двинулся в сторону нужной двери. По пути он на всякий случай заглянул в ванную и в детские – никого. Куча обожженной мебели и игрушек в спальне Мисси, оплавившаяся сантехника в ванной, почти дотла сгоревшая кровать Айзека в его спальне. Взгляд его не нарочно зацепился за обгоревший по краям кусок розовой ткани. Айзек схватился свободной рукой за дверной косяк и не смог совладать с накатившими эмоциями. Это ткань от лежанки Битси, которую та очень любила.

Битси носится по гостиной, убегая от Мисси. Мелкая пытается отобрать свой носок, но это не так-то просто. Она спотыкается о ковер и падает, хватая собаку за новый розовый ошейник. Отбирает носок и хохочет, пока Айзек следит за всем этим с дивана и хихикает. Слышно как открывается входная дверь – это мама вернулась с работы. Через пару минут она входит с огромным пакетом в руках и зовет малышку Битси к себе. Мисси разваливается на ковре и ноет маме, что щенок опять ворует ее носки. Мама лишь смеется и достает из пакета большую и очень мягкую розовую лежанку. Битси в таком восторге, что сразу же запрыгивает в нее с радостным «хрюк».

– Цветочек, отнеси лежанку к себе в комнату, чтобы ей было удобно лежать, пока ты делаешь уроки.

В груди стало так тяжело, что сложно было дышать. Он откашлялся, чтобы прогнать противное ощущение, и на негнувшихся ногах двинулся в спальню родителей. Выставив ножку стула перед собой, аккуратно толкнул дверь. Та протяжно закричала и с громким хрустом оторвалась от верхней петли, завалившись почти диагонально. Айзек крепче сжал ножку стула, инстинктивно сделав шаг назад. В зоне его видимости никого не было. Глаза уже привыкли к почти полной темноте, и он внимательно осмотрелся. Собравшись с силами и уговорив себя, Айзек прошелся по комнате, заглянул под уцелевшие предметы (ну вдруг там!), посмотрел в родительской ванной. Никого. В комнате абсолютно точно никого не было. Айзек осел прямо на грязный пол и посмотрел на ножку стула в своих руках.

– Да-а, дела. Ну и оружие у меня. Хорош я, ничего не скажешь, прямо таки Джеймс Бонд – произнес он это в пустоту, а потом расхохотался. Остановился только когда окно хлопнуло от сквозняка. Встал и, не отряхиваясь, перехватил поудобнее свое оружие. Окно снова было распахнуто настежь, чего сразу он не заметил. Под ним виднелись следы ног, и, судя по размеру, отпечатки мужские. Айзек высунулся из окна и выругался. Он точно не рискнул бы прыгать со второго этажа, ноги ему пока нужны. Зло захлопнув окно, он рванул вниз, надеясь догнать неизвестного. Не мог же он далеко уйти.

«Хрусть!» – и нога провалилась в сгоревшие доски лестницы, не выдержавшие такого бега по ним, а сам он упал назад, каким-то образом перехватывая импровизированное оружие так, что ладонь сжалась вокруг части с гвоздями. Они пробили ладонь, и резкая боль растеклась иглами по телу. Развалившись на лестнице в дурацкой позе, с застрявшей ногой и уже весь

в крови, он выдернул гвозди из руки и зажал ладонь рукавом рубашки, спустив его пониже (слава моде на длинные рукава!). Неловко привстал, осмотрел застрявшую ногу, и...

– Да чтоб тебя! – дернув ногой вверх, он только ухудшил рану. Старые доски разорвали не только штанину, но и кожу. Кажется, теперь придется зашивать не только руку.

Айзек полусидел на кушетке, пока молодая медсестра вздыхала и причитала, что все усложнилось занозами. Он молчал, отвечать сейчас совсем не хотелось. Да и что ответить? «Да-а, очень плохо получилось»? «Ой, так больно было, вы не представляете даже» – чтобы она его пожалела, а потом уехала после смены с ним? Нет, не его вариант, точнее, может и его, но не сегодня. Поэтому он лишь хмуро молчал, пока она приводила в порядок рану, и только слегка вздрогнул, когда она поставила ему укол обезболивающего, чтобы зашить рану. Хотя, честно говоря, он предпочел бы шить наживую, лишь бы не ставили укол. Но он упорно молчал. Оплачивал тоже молча, а на прощание и пожелание здоровья от кассира лишь кивнул.

Дом встретил его тишиной, виляющим хвостом и запахом кофе. Сбросив только обувь, Айзек запрыгнул на кровать, обнял запрыгнувшего вслед за ним Барни и вырубился.

Снился старый дом и Битси. Его малышка Битси, вину перед которой он не загладит больше никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.